

РЕЛИГИОЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ СРЕДИ РУССКОЙ МОЛОДЕЖИ ВЪ ЭМИГРАЦИИ.

Великая трагедія, пережитая и переживаемая Россіей, вызвала въ русской душѣ глубокой духовный переломъ. Его смыслъ и объемъ трудно было бы сейчасъ опредѣлить съ надлежащей ясностью, — но реальность этого перелома не подлежитъ сомнѣнію; вмѣстѣ съ тѣмъ безспорно, что самой плодотворной стороной его является возвращеніе къ Церкви тѣхъ, кто еще такъ недавно не только стоялъ вдали, но даже относился скептически и враждебно къ Церкви. Это религиозное возрожденіе русской души не должно быть, конечно, преувеличиваемо, ибо оно захватываетъ пока лишь нѣкоторую часть русскаго общества, а все же это есть глубоко знаменательный фактъ русской жизни послѣднихъ 8 лѣтъ. Основной смыслъ того, что сейчасъ происходитъ въ этомъ отношеніи, можетъ быть охарактеризованъ, какъ накопленіе религиозной энергіи, какъ глубокая и страстная жажда отвести религіи центральное мѣсто въ своей душѣ, въ своей жизни, какъ стремленіе освѣтить всѣ мелкіе и большіе вопросы нашей жизни свѣтомъ религиозныхъ переживаній и церковнаго ученія. Если сравнить то, чѣмъ духовно жила почти вся русская интеллигенція до нашей трагедіи, съ религиознымъ подъемомъ въ ней нынѣ, то получается столь разительный контрастъ, что нельзя не изумляться ему. Уже не только не стыдятся передъ всѣми исповѣдать свою вѣру, свою связь съ Церковью, не только ищутъ религиознаго просвѣщенія и церковнаго питанія, но неожиданно въ нашей интеллигенціи начинаютъ дѣйствовать непорванные связи съ Церковью, формируется новая церковная сила, могу-

щая стать факторомъ огромной исторической дѣйствительности.

Этотъ духовный переломъ совершается и въ Россіи и въ эмиграціи, но конечно по разному. Тамъ — онъ таится подъ спудомъ, имѣетъ внутренній индивидуальный характеръ; здѣсь — передъ нимъ открыта дорога свободнаго выявленія религиозныхъ замысловъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ эмиграціи нѣтъ почвы подъ ногами, нѣтъ духовнаго простора при полной внѣшней свободѣ. Въ Россіи идетъ мучительная борьба за существованіе, угнетаетъ непрерывная и всеобщая депрессія, путь религиозной жизни есть узкій и трудный путь, но вмѣстѣ съ тѣмъ духовно сильнѣе и ярче исповѣдники христіанства, — а здѣсь открыты всѣ пути житейскаго устроенія, кругомъ много безпечнаго веселья и внѣшнихъ благъ, безконечные духовные соблазны и суррогаты — и за всѣмъ этимъ неисцѣлимая, мучительная тоска по родинѣ... Эмиграція численно составляетъ такую ничтожную часть Россіи (едва ли больше 2%), а все же у нея есть свой ликъ Россіи, свой русскій опытъ, свои страданія, своя Голгофа. Тембръ религиозности въ эмиграціи иной, чѣмъ въ Россіи, но чуткое ухо не можетъ не слышать и въ немъ новаго звучанія русской души, не можетъ не ощущать наличности творческаго подъема. Это сказывается въ различныхъ фактахъ нашей жизни, но пожалуй съ наибольшей ясностью — въ религиозномъ движеніи среди молодежи. Это «движеніе» возникло очень недавно и не очень сильно количественно; но тѣмъ изумительнѣе его качественная содержательность, его внутренняя напряженность

и творческая сила. Накопление религиозной энергии идет у молодежи ярче, чем у старшего поколения, однако она не всегда находит для себя надлежащую форму и часто скована какой-то пугливостью. Надо сознаться прямо, что мы не умеем подойти к нашей молодежи, не умеем разогнать усилившейся недовѣрчивости, побѣдить чувство заброшенности. В нашей молодежи и в самом дѣлѣ есть много для нас новаго, неожиданнаго, труднаго, — суровый опытъ послѣднихъ лѣтъ далъ какое-то своеобразное ущемление молодой души: она не раскрывается такъ легко какъ прежде, не умѣетъ легко и просто освободиться отъ ядовъ, которыми она отравлена. А мы, старшіе, въ свою очередь замучены и обезсилены всѣмъ происшедшимъ и часто нѣтъ у насъ не только умѣнія, но даже и желанія понять молодежь и пойти ей на встрѣчу.

Все это нужно имѣть ввиду, если мы захотимъ приглядѣться къ религиозному движенію среди нашей молодежи и оцѣнить его. В движеніи есть много случайнаго и даже преходящаго, — но тѣмъ сильнѣе ощущается тотъ основной фактъ, что дѣло здѣсь вовсе не въ отдѣльныхъ личностяхъ, а въ какомъ-то общемъ пробужденіи религиозныхъ силъ въ русской душѣ. Пусть порой безформенны и робки тѣ или иныя проявленія религиозныхъ исканій, пусть въ нихъ много экзатичности и мало еще внутренней дисциплины и организационной крѣпости, но разъ прикоснувшись къ нимъ нельзя не загорѣться отвѣтнымъ волненіемъ, нельзя не почувать въ нихъ дыханія уже новой русской жизни, которой еще нѣтъ, но которая уже грядетъ и частично строится въ насъ и черезъ насъ. Утренней зарей — передъ восходомъ долгожданнаго русскаго солнца рисуется мнѣ все это движеніе: на темномъ еще русскомъ небѣ бѣгутъ первые робкіе, не для всѣхъ даже замѣтные лучи, и хотя они безсильны сами по себѣ разогнать царящій еще мракъ, но они предвѣщаютъ восходъ солнца, предваряютъ и готовятъ его...

Я не буду говорить здѣсь о фактахъ и отошлю тѣхъ, кого они интересуютъ, къ журналу «Духовный міръ студенчества», въ которомъ запечатлѣны кое какіе факты. Я хотѣлъ бы ограничиться въ настоящій моментъ лишь общей характеристикой движенія и бѣглымъ обсужденіемъ нѣкоторыхъ очередныхъ его проблемъ. Въ различныхъ мѣстахъ скопления русской молодежи существуютъ религиозные «кру-

жки». Нѣкоторые изъ нихъ (пока немногіе) ставятъ себѣ задачи миссіонерскаго характера — идти съ призывомъ къ широкимъ массамъ студенчества, будить въ нихъ заглохшее религиозное чувство, разрѣшать сомнѣнія и устранять трудности; большинство же кружковъ существуютъ сами для себя — для взаимной помощи въ дѣлѣ углубленія въ основѣ христіанства, въ ученіи Церкви. Почти всѣ кружки именуютъ себя «православными», — не только не стыдясь этого имени, но любя его и открыто исповѣдуя свою связь съ Церковью. Въ кружкахъ очень мало даютъ себѣ простора для изложенія своихъ личныхъ взглядовъ или интуиціи, и не оттого что боятся творческаго пути. Причина въ иномъ — въ глубокомъ чувствѣ Церкви, въ смиренномъ сознаніи, что ея полнота, ея богатства остаются почти для всѣхъ невѣдомыми, прежде чѣмъ дать волю своимъ размышленіямъ и построеніямъ, хочется до конца погрузиться въ сокровищницу Церкви, коснуться ея полноты и напитаться тѣмъ, что хранить она въ себѣ. Этотъ мотивъ здороваго традиціонализма является характернѣйшей чертой современной русской молодежи, рѣзко отдѣляя ее отъ обычнаго типа русскихъ искателей: здѣсь уже глубоко преодолѣна типичная наша интеллигентская установка, при которой какъ то вышше подходили къ Церкви, какъ бы со стороны, не ощущали въ своемъ собственномъ религиозномъ подъемѣ пульсаціи церковной энергии. Это было связано съ глубокой отрѣшенностью русскаго религиознаго сознанія отъ живой полноты Церкви, и этотъ привкусъ интеллигентщины (въ дурномъ смыслѣ слова) вкрадывался въ самыя глубокія и плодотворныя движенія души. Молодежь нашихъ дней очень значительно освободилась отъ всей этой психологіи, и это вовсе не есть ея заслуга, это есть просто черта новой эпохи, какой то глубочайшей и подлинный реализмъ, отрезвляющій самыя тайники души. Если теперь возвращаются къ вѣрѣ въ Бога, то глубоко чувствуютъ неправду всякаго самочиннаго, вольнаго выдумыванія, испытываютъ глубокую жажду приникнуть къ Церкви, — отъ нея напитаться, у нея поучиться, ею освѣтить и освятить всѣ свои замыслы. Это неизбѣжно вводитъ въ душу оздоравливающую силу церковнаго реализма, спасаетъ и отъ религиозно философской отвлеченности, — я готовъ сказать, что это все является симптомомъ глубокаго религиоз-

наго оздоровленія русской души. Я и здѣсь не хочу преувеличивать и хорошо знаю тѣневья стороны этой всей психологии, но нельзя отвергать какой-то новой тональности въ религиозномъ звучаніи русской души. Подлинное и глубокое и потому истинно творческое смиреніе отличаетъ нынѣ вѣрующую молодую интеллигенцію, которая не оттого хочетъ погрузиться въ полноту Церкви, что боится самой себя, боится затеряться въ сложной современности, а оттого, что почувала она всю безмѣрную глубину, всю неисчерпаемую полноту Церкви въ ея историческомъ движеніи. Не отрѣшенный евангелизмъ, не «библиократія» (какъ характеризуетъ Трельтъчъ религиозную установку реформации), а живое ощущение исторической полноты и дѣйственности Церкви, ея мистической жизни типичны для нашей вѣрующей молодежи.

Отсюда надо объяснять усиленіе и вѣшней церковности. Молодежь идетъ въ храмы и не стыдится этого, какъ стыдилась еще не такъ давно, молодежь ищетъ богослуженій и гдѣ ихъ нѣтъ — соединяется въ кружки и братства, чтобы пригласить священника и устроить службу церковную. Активность, проявляемая въ этомъ отношеніи нашей молодежью, такъ поразительна, такъ глубоко знаменательна, что этими одними фактами (а ихъ столько дала наша эмигрантская жизнь!) достаточно обрисовывается новый религиозный типъ. Глубина души содержитъ даже больше, чѣмъ вмѣщаетъ сознаніе, перѣдко еще бѣдное и находящееся во власти былыхъ идей, но новая правда властно зоветъ къ себѣ, подлиннымъ, категорическимъ императивомъ встаетъ въ душѣ.

Но не одной вѣшней церковностью характеризуется этотъ знаменательный поворотъ къ традиціонализму, — хотя и значеніе этой вѣшней церковности трудно переоцѣнить. Въ русской интеллигенціи чрезвычайно сильно было небрежное отношеніе къ церковному обряду, какое-то игривое вольномысліе въ этомъ отношеніи (даже при полной духовной вѣрности Церкви), — и вотъ на нашихъ глазахъ воскресаетъ пониманіе обряда, воскресаетъ психологія благочестія. Какіе творческія пласты души выступаютъ здѣсь на первый планъ, какая широкая духовная перспектива открывается взору! Поразительно въ нашей религиозной молодежи именно то, что ей такъ легко и естественно дается многое, что еще недавно сходило въ душу

лишь въ итогѣ долгаго духовнаго созрѣванія и особой мистической одаренности. Всему религиозному движенію необычайно внутренне близко идеаль «оцерковленія» — понимая подъ этимъ проникновеніе свѣта и силы Церкви во всѣ стороны жизни, освѣщеніе всѣхъ вопросовъ личной, національной, государственной жизни свѣтомъ ученія Церкви. Когда то это универсальное значеніе Христова ученія еще пужно было доказывать; начиная отъ Гоголя, русская религиозная мысль все горячѣе, все настойчивѣе выдвигала, въ противовѣсъ современности и всему ея духу, идеаль церковной культуры, не въ смыслѣ теократіи, а въ смыслѣ преображенія всей жизни въ духъ христіанства. Хотя и боролись у насъ противъ итоговъ новой культуры — противъ ученія о «нейтральности» культуры и объ автономіи отдѣльных ея сферъ, но это все было лишь столкновеніемъ идей, хотя и нужнымъ и плодотворнымъ, а все же отрѣшеннымъ отъ живой жизни. Въ церковной же молодежи нашихъ дней бьется новый пульсъ, неотвратимо выступаетъ идея не только вѣшняя, но и внутренняя оцерковленія жизни. Перестройка всей жизни на началахъ Православія, поворотъ къ цѣлостной (церковной) культурѣ — вотъ руководящая идея всего религиознаго движенія среди русской молодежи, вотъ движущая сила и завѣтный идеаль. Не о построеніи цѣлостнаго міровозрѣнія уже мечтаютъ нынѣ (хотя попутно ставится и эта задача), а о путяхъ оцерковленія жизни, — и эта «дѣловая» установка (въ смыслѣ «философіи общаго дѣла» Н. Ф. Федорова) опредѣляетъ собой логику всего «движенія»

Не вся однако церковная молодежь образуетъ кружки; многіе сторонятся кружковъ, уходятъ въ личную духовную жизнь, многіе даже боятся «кружковщины», готовы видѣть въ кружкахъ «неправославное» дѣло, могущее повести либо къ одностороннему рационализму, либо къ нездоровому піэтизму. Непривычна и недоувѣріе ко всякой «организаци» тоже останавливаютъ не мало вѣрующихъ людей, — такъ что религиозные кружки объединяютъ, несомнѣнно, лишь часть той молодежи, которая захвачена духовнымъ переломомъ. Но вотъ уже два почти года, какъ русскіе религиозные студенческіе кружки объединились и образовали одно цѣлос; руководители и профессора, примыкающіе къ кружкамъ, слились съ ними

во едино. Исключительную картину представляют собой мѣстные и общіе съѣзды участниковъ кружковъ — довольно скоро они приняли опредѣленно церковное направление, въ нихъ всегда участвуютъ священники и епископы, каждый день начинается литургіей. Это все столь ново и неожиданно для русской жизни! Вѣдь это не съѣзды будущихъ монаховъ, — а между тѣмъ духъ монастыря вѣетъ на этихъ съѣздахъ, хотя въ нихъ много не только духовнаго напряженія, но и радости. На этихъ съѣздахъ какъ то вѣще и пророчески сочетается глубина и чистота церковности со всей полнотой жизни — они сами, эти съѣзды, несутъ въ себѣ какое то частичное и временное «оцерковленіе». Въ ихъ духѣ изнутри соединяется здоровый традиціонализмъ и подлинная свобода творческихъ устремленій, чистота и сила церковности и все многообразіе жизни, ждущей и ищущей вновь найти въ Церкви свою душу, тема христіанскаго аскетизма и внутреннее пріятіе жизни и благословеніе ея живой полноты и красочности. Свободное сочетаніе церковности и міра вырастаетъ изъ самыхъ основъ той новой психической установки, которую мы находимъ у вѣрующей молодежи, — и есть во всемъ этомъ что-то столь нужное и дорогое для всей русской жизни, столь отвѣчающее на всѣ ея исканія. Религіозное пробужденіе русской души глубочайшимъ образомъ связано съ нашею національною трагедіей, — поэтому мистическая напряженность, столь характерная для русскаго молодого движенія не только не отрываетъ отъ жизни, но наоборотъ она интимно связана съ думами о родинѣ, съ ростомъ національнаго самосознанія. Здѣсь несомнѣнно передъ всѣмъ движеніемъ возникаетъ очень серьезная опасность — слишкомъ узкаго и утилитарнаго отношенія къ Церкви, къ религіозной жизни. Эта опасность не только еще не преодолѣна, но она даже не обрисовалась еще въ полной мѣрѣ; иной разъ невольно возникаетъ даже вопросъ: не является ли религіозное движеніе лишь формой, подъ которой возрождается національное чувство, сознается мистическая связь съ родиной? Не является ли «церковная одежда» необходимой лишь для того, чтобы дать наиболѣе глубокую и радикальную постановку вопросамъ, которые по существу вырастаютъ изъ глубины національной скорби и все возрастающей и захватывающей и, тѣмъ не менѣе, пока

безсильной — любви къ нашей родинѣ? Поворачивается ли русская душа ко Христу потому, что ищетъ правды прежде всего и глубоко порываетъ со всѣмъ, что было чуждо этой правдѣ, или потому, что ищетъ во Христѣ не правды, а спасенія родины?

Если бы было правильно послѣднее, то это само не опорачивало бы религіознаго движенія въ молодежи (ибо даже утилитарное, по своимъ мотивамъ, обращеніе къ Церкви, есть все же обращеніе къ единственному источнику правды), но только придавало бы ему другой смыслъ, свидѣтельствовало бы о томъ, что хотя религіозное пробужденіе и совершается, но оно все еще недостаточно глубоко. Однако, насколько я могу судить по своимъ непосредственнымъ впечатлѣніямъ, религіозное движеніе въ русской молодежи по существу восходитъ къ чисто религіознымъ корнямъ. Конечно, въ иныхъ душахъ оно не только тѣсно срастается съ соціальною скорбью, но даже на почвѣ этого становится болѣе узкимъ (хотя и болѣе яркимъ не разъ), но я могу утверждать, что для многихъ это является лишь временной стадіей ихъ духовнаго развитія, за которой наступаетъ такая религіозная зрѣлость, что правильная іерархія цѣнностей устанавливается сама собой; съ другой стороны, въ діалектикѣ духовной жизни, тѣ формы религіознаго возрожденія, въ которыхъ ощущается слишкомъ тѣсное и неправомерное срастаніе религіозныхъ движеній съ національнымъ чувствомъ, имѣютъ рядомъ съ собой формы, въ которыхъ чистота религіозныхъ порывовъ ведетъ къ своеобразной отрѣшенности отъ жизни вообще, къ какому то христіанскому спиритуализму, свободному отъ связи со всякой «плотью» (исторической, національной). Обѣ крайности діалектически неизбѣжны въ процессѣ духовнаго созрѣванія, — и обѣ онѣ имѣютъ мѣсто въ русскомъ религіозномъ движеніи. По существу же «примать Церкви», какъ формулировалъ это одинъ изъ участниковъ второго общаго съѣзда, является безспорнымъ для всѣхъ; тѣ или иные уклоны имѣютъ различныя психологическіе корни и являются неизбѣжной данью общему состоянію всего русскаго церковнаго общества. Существенно одно: изъ глубины души встаетъ и могуче овладѣваетъ сознаніемъ и д е я ц е р к о в н о й к у л ь т у р ы — не простого соотвѣтствія формъ жизни началамъ христіанства, но внутренняго и органическаго

ихъ единства. Это отнюдь не является хилистіастическимъ замысломъ — но все же идея переустройства всей русской жизни въ духъ Православія вырастаетъ изъ самыхъ глубинъ религіознаго сознанія. Въ молодежи, со свойственной ей прямолинейностью и максимализмомъ, все это облекается порой въ рѣзкія и даже для другихъ людей непріемлемыя формы — это нельзя отрицать; но нельзя же смѣшивать зерно и шелуху, сущность и временныя формы. Не стоимъ ли мы въ самомъ дѣлѣ на грани чрезвычайнаго историческаго перелома? Развѣ катастрофа Россіи, какія бы историческія обстоятельства не опредѣляли ее, не вскрыла до очевидности глубокаго духовнаго заболѣванія, идущаго собственно отъ XVII вѣка (распада церковнаго общества благодаря выдѣленію раскола)? Развѣ русская культура XIX вѣка, при всей геніальности ея отдѣльныхъ явленій, не содержала въ себѣ губительнаго яда, которымъ отраэлялась русская душа? До внѣшней катастрофы давно уже слагалась духовная наша катастрофа, — и намъ пужень не одинъ политическій порядокъ и соціальное умиротвореніе, намъ еще болѣе нужно вернуться къ духовному здоровью, найти пути къ источнику этого здоровья. Этого ждетъ и ищетъ русская жизнь, — и нечего удивляться, что идея цѣлостной (т. е. церковной, культуры, столь дорогая самымъ различнымъ представителямъ русскихъ исканій въ XIX вѣкѣ, — нынѣ послѣ всего пережитого, встаетъ съ неудержимой силой. Религіозное движеніе среди русской молодежи глубоко мистично, я готовъ сказать — даже порой экстаично, когда оно обращено къ жизни, къ родинѣ; идея оцерковленія, или иначе — идея церковной культуры составляетъ движущій нервъ всего духовнаго перелома.

Сама идея церковной культуры должна быть внутренне выношена, чтобы стать свободной отъ привкуса теократіи и клерикализма; по существу русскому духу этотъ привкусъ всегда былъ чуждъ, но теперь онъ сталъ чуть чуть ощущаться — это незачѣмъ отрицать. Но что значитъ это? «Новое средневѣковое», какъ охарактеризовалъ Н. А. Бердяевъ типъ и тональность слагающейся новой психологіи, не можетъ никогда подавить свободы — иначе оно само погибаетъ, оставшись исторически безплоднымъ и безсильнымъ. Духъ же свободы вѣетъ въ русскомъ религіозномъ движеніи — это есть фактъ

совершенно безспорный; если въ діалектикѣ духовнаго созрѣванія тѣ или иныя группы, сами одушевленные началомъ свободы, въ поискахъ формъ оцерковленія жизни отрицаютъ свободу въ томъ или иномъ направленіи, то это образуетъ не сущность, а случайность въ религіозной психологіи. Ростки теократической и даже клерикальной психологіи имѣются, но прежде всего въ ничтожной и зачаточной формѣ, какъ дань прошлому, а главное — они преодолеваются извнутри, въ порядкѣ религіознаго роста. Русская интеллигенція такъ долго и такъ упорно третировала представителей Церкви, что возвращаясь въ Церковь она хочетъ поклониться имъ, ищетъ ихъ благословенія и руководства. Но въ Православіи нѣтъ мѣста для того возвеличенія клира, какое было въ католичествѣ, основной духъ Православія, соборность, присущая ему всегда, хотя и остававшаяся такъ долго безъ своего явленія, — все это не даетъ никакой почвы для того, чѣмъ была на Западѣ теократія и родившійся изъ нея клерикализмъ. Нельзя поэтому принимать случайныя явленія, за существенныя, нельзя стадіи развитія смѣшивать съ его основнымъ закономъ, — духъ Православія сочетаетъ свободу и церковность, патріаршество и соборность.

Я долженъ здѣсь коснуться еще одной черты русскаго религіознаго движенія — именно его отношенія къ возрожденію монархизма. Недавно одинъ публицистъ охарактеризовалъ все русское религіозное движеніе какъ монархическое. Я долженъ категорически это отвергнуть, хотя и признаю чрезвычайный ростъ монархическихъ настроеній и идей среди религіозной молодежи. Отношеніе здѣсь болѣе сложно, чѣмъ это угодно думать нѣкоторымъ публицистамъ, которымъ религіозное движеніе среди русской молодежи внушаетъ вообще тревогу.

По самому существу своему все религіозное движеніе въ молодежи (говорю о его организованной части) — а п о л и т и ч е с к о , ставя себѣ исключительно религіозныя цѣли, обращаясь и къ правымъ и къ лѣвымъ, объединяя всѣхъ на почвѣ вѣры во Христа Спасителя, независимо отъ ихъ политическихъ воззрѣній; русское религіозное движеніе рѣшительно чуждо какимъ бы то ни было политическимъ задачамъ и совершенно не имѣетъ никакого отношенія къ какимъ бы то ни было политическимъ партіямъ и группамъ

ровкамъ. Мы говоримъ, конечно, о движеніи, какъ таковомъ, о кружкахъ, а не объ отдѣльныхъ ихъ членахъ; никогда въ кружкахъ не спрашиваютъ никого изъ членовъ объ ихъ политическихъ взглядахъ, объ ихъ участіи или неучастіи въ партіяхъ и группахъ. Если отдѣльные члены кружковъ принимаютъ участіе въ партіяхъ и группахъ, то это ихъ личное дѣло, въ которое не входитъ кружокъ. Мы знаемъ навѣрное, что среди членовъ кружковъ есть дѣятельные монархисты, но знаемъ и республиканцевъ въ кружкахъ, — и ни одно ни другое не волнуетъ насъ. Путь кружковъ идетъ глубже раздѣленія по политическому признаку; основное условіе вступленія въ кружки заключается въ вѣрѣ во Христа, основная задача кружковъ — укрѣпленіе и углубленіе вѣры, усвоеніе всей полноты ученія Церкви и подготовка себя къ жизни, построенной въ духѣ ученія Христова.

Но было бы недостойно самого движенія и его религіозной искренности, если бы мы оставили здѣсь недоговореннымъ что-либо. Есть пунктъ, который можетъ внушать кое кому безпокойство, и объ этомъ нужно прямо и открыто сказать. — Идея оцерковленія жизни или построенія системы церковной культуры предполагаетъ пересмотръ всѣхъ основъ современнаго міровоззрѣнія, — и, конечно, никоимъ образомъ этотъ пересмотръ не можетъ обойти вопросовъ національно политическаго порядка. Основная идея, опредѣляющая всю эту работу, заключается въ томъ, чтобы связать всѣ формы съ Церковью, связать не внѣшне, а въ самомъ существѣ. Поскольку это распространяется на проблемы политическаго порядка, это приводитъ къ идеѣ о с в я щ е н і я в л а с т и . Ученіе о «нейтральности» власти, объ ея исторической данности и независимости отъ религіи, не можетъ быть удержано, — и это вытекаетъ съ неотразимой логикой изъ самой идеи освященія и преображенія жизни. Власть существуетъ, конечно, какъ нѣкій положительный историческій фактъ, — но она не можетъ и не должна быть изолирована отъ благодатнаго воздѣйствія на нее Церкви. Болѣе чѣмъ какая-либо иная форма жизни она нуждается въ этомъ; для тѣхъ, кто вѣруетъ въ Церковь и сознаетъ ея благодатную силу, столь нужную для смягченія и преображенія историческаго бытія, построеніе власти на началѣ ея «нейтральности» и «автономности» совер-

шенно неприемлемо. Однако въ духѣ Православія это освященіе власти никогда не приводило къ идеѣ господства Церкви надъ властью; Православіе всегда искало иныхъ путей воздѣйствія на власть черезъ личность, черезъ ея внутренній міръ. Идея освященія власти, если только хотять ее понять, не можетъ и не должна быть вырываема изъ всего контекста въ замыслѣ церковной культуры, въ замыслѣ построенія жизни на началахъ христіанства; идея освященія власти поэтому есть лишь одинъ изъ многихъ мотивовъ, зрѣющихъ въ нашей религіозной молодежи. Если республиканскія идеи такъ тѣсно срослись со всей психологіей и идеологіей позитивизма, то пусть же защитники этихъ идей начнутъ пересмотръ своихъ собственныхъ взглядовъ, пусть подумаютъ они о томъ, что пока ихъ политическія идеи такъ глубоко связаны съ позитивизмомъ, они сами будутъ отбрасывать отъ себя тѣхъ, въ комъ ужъ невозможенъ узкій позитивизмъ. Тѣ упреки, которыя иногда направляютъ по адресу «монархизма» русскаго религіознаго движенія, лишь внѣшне обуславливаются политическими разногласіями: суть же разногласій не въ сферѣ политическихъ построеній, а въ тѣхъ предпосылкахъ, на которыхъ они создаются. Русская религіозная молодежь переросла еще недавно царившій у насъ позитивизмъ; конечно, не нужно преувеличивать этого, ибо процессъ возвращенія русской души къ Церкви вовсе не закончился и можетъ быть даже не находится еще въ своей высшей точкѣ. И если само по себѣ религіозное движеніе аполитично, совершенно далеко отъ политическихъ задачъ, то то, что оно подымаетъ въ душѣ, этотъ пересмотръ коренныхъ устоевъ всего міровоззрѣнія, общій поворотъ къ идеѣ освященія жизни Церковью, все это, конечно, скажется въ свое время и на политическихъ построеніяхъ. Пусть учитываютъ это наши политическіе дѣятели, но по существу все движеніе стоитъ внѣ политики.

Русское религіозное движеніе въ эмиграціи развивается въ постоянномъ со-сѣдствѣ съ западнымъ христіанствомъ, которое оно не только видитъ вблизи, но съ которымъ неизбежно вступаетъ въ болѣе тѣсную связь. Христіанское движеніе среди студенческой молодежи охватило давно уже (лѣтъ 25-30) весь міръ; слабѣе всего въ это движеніе былъ втянутъ католическій міръ, вообще замкнутый въ

себѣ. Православію не присуща эта замкнутость — и то, что началось въ Женевѣ въ августѣ 1921 г. на съѣздѣ представителей всѣхъ христіанскихъ исповѣданій (отсутствовали одни лишь католики, но православные всѣхъ странъ приняли участіе) — отозвалось и въ молодежи. Каждый годъ отдѣльные участники русскаго религіознаго движенія встрѣчаются на различныхъ «конференціяхъ» (съѣздахъ) съ представителями христіанскаго студенческаго движенія во всемъ мірѣ, — и встрѣчи эти имѣютъ взаимное глубокое вліяніе. Въ Россіи существовало давно студенческое христіанское движеніе, но оно было совершенно внѣконфессіально, хотя естественно, въ отдѣльныхъ членахъ вело къ усилению церковности. Но въ эмиграціи, какъ уже было указано, возникло особое, чисто церковное движеніе среди молодежи, чуждое принципу, «интерконфессіональности» (совершенно понятному и неизбежному на Западѣ и въ Америкѣ при крайней ихъ религіозной дифференціаціи). Но будучи внутри себя строго и глубоко церковнымъ, русское молодое движеніе не только обнаружило религіозную терпимость, но и подлинную христіанскую любовь къ тѣмъ движеніямъ, которыя едины съ нимъ въ вѣрѣ во Христа Спасителя. Встрѣча съ вѣрующими другихъ исповѣданій, глубокое чувство мистическаго единства съ ними во Христѣ, сознание, что намъ есть чему поучиться у другихъ, — все это глубоко дѣйствуетъ на русскую религіозную душу. Но не менѣе значительной оказалась эта встрѣча двухъ міровъ и для другой стороны. Богатство и красота Православія, его мистичность и универсальность, идея оцерковленія жизни и начало соборности, вся психологія православной религіозности — все это

глубоко влечетъ къ себѣ живыя души въ другихъ исповѣданіяхъ. Но обо всемъ этомъ еще преждевременно говорить.

Я не знаю, можно ли назвать значительнымъ и глубокимъ русское религіозное движеніе среди молодежи, — но я знаю, что глубока и значительна его тема. Эта тема, выдвигающаяся изъ самой глубины религіознаго перелома, переживаемаго нами, есть тема оцерковленія жизни. Мистическая напряженность и чистое исканіе правды Христовой не удаляютъ отъ жизни, но становятся проводникомъ подлинно творческаго духа, обращеннаго къ жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ. Тотъ реализмъ и та «трезвенность», которыя характерны для мистики Православія, совершенно свободнаго отъ сентиментализма и отъ утопизма, проникаютъ и въ самый типъ религіозной жизни. Не будемъ ничего преувеличивать, будемъ крайне скромны въ оцѣнкѣ силы и объема русскаго движенія, но скажемъ прямо, что это движеніе есть какъ разъ то, въ чемъ больше всего нуждалась и нуждается русская жизнь. Въ нашей молодежи уже вѣетъ духъ новой русской жизни, уже ощущается ея робкій пульсъ; органическое и подлинное сочетаніе церковности и духа свободы, здороваго традиціонализма и творческаго порыва даютъ право вѣрить въ то, что новая русская жизнь можетъ быть построена на живыхъ и дѣйственныхъ началахъ церковности. Эта перспектива уже открылась — черезъ скромное и робкое движеніе среди вѣрующей молодежи... Какъ отвѣтить на это русская жизнь, покажетъ время.

Прага.

В. В. Зѣньковскій.